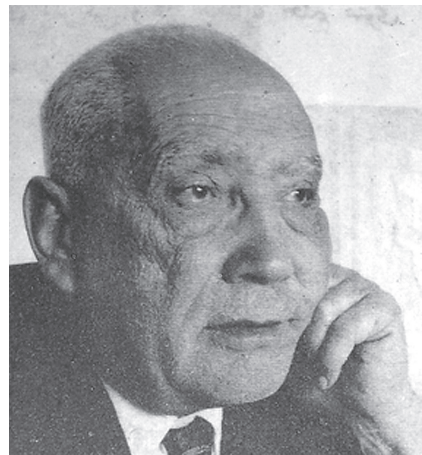

ЕВРОПЕЙСКИЕ ГОРИЗОНТЫ

Благодаря литературе, которую перевел на арабский Фарах Антун², а также теории эволюции, которую годами усердно разъяснял Якуб Сарруф³ в [журнале] «Аль-Муктатаф» [«Отрывок»]⁴, я обнаружил, что вижу лишь проблеск горизонтов, ранее скрытых от моего взора. Желание увидеть их стало целью моей жизни. Осознав глубину своего невежества и ужаснувшись тому, насколько моя интеллектуальная жизнь в Египте походила на существование в бесплодной пустыне, я в девятнадцать лет решил покинуть родину и отправиться в Европу – дабы изучать жизнь во всем ее богатстве, заняться самообразованием и, в конечном счете, переродиться. [...]

В 1908 году я поехал во Францию. [...] До той поры я по умолчанию принимал ритуалы нашей египетской жизни – вро-

- ¹ Перевод выполнен по изданию: MUSA S. *Tarbiyat Salama Musa*. Cairo, 2014. Здесь и далее примечания переводчика.
- ² Фарах Антун (1874–1922) – журналист, в начале XX века издавал просветительский журнал «Аль-Джамиа». Будучи христианином из современного Ливана, Антун в своих текстах поднимал вопросы секуляризма и равенства; он одним из первых в арабском мире назвал себя «социалистом». Подробнее о нем см.: REID D. M. *The Odyssey of Farah Antun: A Syrian Christian's Quest for Secularism*. Minneapolis: Bibliotheca Islamica, 1975.
- ³ Якуб Сарруф (1852–1927) – журналист и издатель, популяризатор науки, сооснователь просветительского журнала «Аль-Муктатаф».
- ⁴ «Аль-Муктатаф» – ежемесячный журнал (1876–1952), оставивший заметный след в истории арабского просвещения. Он знакомил читателей с последними достижениями науки и техники, а также общественно-политической мысли. См.: AYALON A. *The Press in the Arab Middle East: A History*. New York: Oxford University Press, 1995.

АРХИВ «НЗ»

Салама Муса (ок. 1887–1958) – журналист и издатель из Египта, один из первых социалистов в арабском мире, выступал за секуляризм, права женщин, парламентаризм и борьбу с неравенством посредством реформ. Родился в состоятельной семье христиан-коптов, накануне Первой мировой войны несколько лет провел в Англии, где состоял в социалистическом Фабианском обществе, был знаком с Бернардом Шоу.

де закрытых лиц женщин – и не видел ничего странного или предосудительного в том, что маленькие ученицы заходят в суннитскую начальную школу, пряча лица под белыми бурками. Разделение полов казалось мне чем-то вполне обыкновенным. Ведь дом в Египте – завеса, полностью скрывающая женщину от посторонних глаз. Не могу припомнить, чтобы на протяжении своей жизни на родине до путешествия во Францию я разговаривал бы с девушкой, сидел бы с женщиной, смотрел бы в глаза египтянке.

Оказавшись во французском обществе, я увидел, как свободны и откровенны француженки. Я почувствовал, что перед моим взором открылись горизонты, которые прежде мне не могли показать ни Сарруф, ни Антун. Эти люди не касались темы женских свобод по той очевидной причине, что оба были христианами. Разумеется, они опасались обвинений в том, что их рассуждения, дескать, порочат исламское вероучение или мусульманские традиции. Тогда я еще не знал Касема Амина⁵ – или, точнее говоря, он не пробуждал во мне энтузиазма, не знаю, почему я им не интересовался. Так что, когда мне довелось вынужденно побеседовать с одной парижанкой, я остро почувствовал, как смущение охватило все мое естество, язык начал заплетаться, а в ногах появилась непонятная слабость. Мне понадобилось много лет, чтобы преодолеть эти злополучные ощущения, которые были возвращены девятнадцатью годами жизни в Египте, где мужской пол и женский пол ведут раздельное существование.

Очевидно, что эти душевные оковы мешают любовным чувствам или подавляют их как раз в то время, когда нужно либо отпустить их, либо сублимировать. Любовь – искусство, незнакомое египтянам той поры. Каждая моя попытка романтического знакомства с девушкой оборачивалась разочарованием, ранившим сразу и сердце, и разум. В тогдашнем Египте на смешение полов смотрели с отвращением и страхом. Но, сравнивая то, насколько сексуально и эмоционально неудовлетворенным я был в 1909 году, с состоянием нашей нынешней молодежи со всеми доступными ей радостями и забавами, вынужден признать, что они счастливы, хотя и довольствуются почти теми же условиями, которые повергали меня в уныние.

Я обосновался в начальной школе в маленьком средневековом городке Ле Мольер, неподалеку от Парижа. Влившись

5 Касем Амин (1865–1908) – египетский юрист и автор книги «Новая женщина» (1899), который одним из первых поднял вопрос о статусе женщин в арабском мире. Амин считал, что женщины должны получать хотя бы начальное образование: это, по его мнению, позволило бы им лучше воспитывать детей и трудоустроиваться вне дома. Он утверждал, что ислам не требует непрямого сокрытия женских лиц, а также критиковал полигамию, неуважение к женщинам и их чрезмерную изоляцию от общества. Подробнее о его взглядах см.: HOURANI A. *Arabic Thought in the Liberal Age, 1798–1939*. New York: Cambridge University Press, 2013 [1962]. P. 164–169.

в семью школьного зрителя, я стал упорно учить французский язык. Из-за постоянных и настойчивых расспросов, с которыми я приставал к учителю, мне дали прозвище «Что-это-значит?». Не прошло и нескольких месяцев, как я обнаружил, что могу читать и понимать – правда, с помощью педагога – не только ежедневные газеты, но даже книги. Я часто обращался к французским ежедневным газетам, поскольку они служили мне проводниками в мир политики и дипломатии. Наши египетские газеты были еще неспособны на такое, и поэтому я оборвал «газетные» связи с родиной – за исключением чтения «Аль-Джарида» [«Газета»], которую издавал Лютфи ас-Сейид⁶. В ней он продвигал свои новаторские воззрения, согласно которым Египет принадлежит египтянам, а не турками и не англичанам⁷, женщины должны быть свободными, а в стране надо иметь Конституцию и правительство, которое формируется парламентом. Он писал на эти и другие темы без всяких изысков и излишеств, которые в старших классах преподносились нам в качестве вершин арабской устной речи и арабского литературного языка. [...]

САЛАМА МУСА
ВОСПИТАНИЕ
САЛАМЫ МУСЫ

Любовь – искусство, незнакомое египтянам той поры. Каждая моя попытка романтического знакомства с девушкой оборачивалась разочарованием, ранившим сразу и сердце, и разум. В тогдашнем Египте на смешение полов смотрели с отвращением и страхом.

Француженки, как я уже говорил, стали движущей силой моей социальной жизни. То же самое можно сказать и о свободе женщин в Западной Европе в целом: это явление было пламенем, обжигающим и ранящим мое национальное достоинство в свете всего того, что ранее уже было сказано о положении египетской женщины. Именно к тем годам и к той жизни восходят корни моего восстания против египетских традиций, разразившегося в скором будущем и не утихающего до сих пор. Из-за приверженности подобным убеждениям я потерял немало друзей, а многие среди оставшихся полагают, что оно того не стоило. Вскоре я прочитал Хенрика Ибсена, близко

6 Ахмад Лютфи ас-Сейид (1872–1963) – журналист и политик, идеолог египетского национализма, объединяющего мусульман и христиан. Его газета «Аль-Джарида» позиционировала себя в качестве защитника египетских прав и интересов. Ас-Сейид критиковал сторонников укрепления связей Египта с Османской империей. Подробнее о нем см.: GERSHONI I., JANKOWSKI J. *Egypt, Islam, and the Arabs: The Search for Egyptian Nationhood, 1900–1930*. New York: Oxford University Press, 1986.

7 Египет, формально признавая сюзеренитет османского султана вплоть до Первой мировой войны, с начала XIX века оставался фактически независимым государством, где власть передавалась по наследству; в 1882 году, однако, страна была оккупирована англичанами.

восприняв его призыв к тому, чтобы женщина сделалась независимой личностью. Я также узнал о женских организациях и ассоциациях, которые в Лондоне требовали предоставления британкам права голосовать и быть избранными. Мое сердце и разум наполнились светом: теперь я оптимистично смотрел на будущее человечества.

Я вырос в Египте в провинциальной среде⁸ и поэтому обратился к французской глубинке с желанием обогатиться ее опытом. Ведь в Египте мы если и отправляемся в сельскую местность, то по нужде и против воли, поскольку нас там ждут лишь пыльные улицы и отсутствие санитарии в домах. К тому же наша деревня – духовная пустыня, где царят невежество, нужда, грязь – не только телесная, но и умственная. Французская деревня в сравнении с ней подобна райскому саду. [...] Любая здешняя деревня, какой бы маленькой она ни была, подобно небольшому городу, имеет все необходимое для общественной жизни, включая ресторан, трактир, гостиницу, рынок. Поэтому парижане нередко проводят неделю или целый месяц за городом, подобно тому, как у нас ездят в Александрию или Рас-эль-Бар. [...]

Во всей Западной Европе нет нации, которая уважала бы церковь так, как французы. Читателю следует знать, что все церкви во Франции (а многие из них находятся в сельской глуши) открыты день и ночь, но при этом оттуда не крадут дорожную утварь, которая может стоить сотни или даже тысячи фунтов. И это, несмотря на распространенное в стране сводомыслие и активную антирелигиозную пропаганду. До сих пор помню сцену, поразившую меня в первый месяц в Париже. На одной из улиц я увидел похоронную процессию, в голове которой несли знамя с надписью «Ни бога, ни господина!». Подобные картины могут натолкнуть на мысль, будто французская нация погрязла в неверии и атеизме. Но даже краткое посещение церкви в воскресный день убеждает в ложности таких суждений. Ведь деревенский священник – подлинный духовный наставник, чьи проповеди и назидания подкрепляются почтением к традициям. Правда заключается в том, что во всей Европе не найдется церкви столь же живой, как французская. [...]

Я стал читать французские ежедневные газеты, которые стоили сущие гроши. Я узнал о французских партиях и полюбил читать «Юманите», выражавшую взгляды социалистов. Социализм был новым видением, которое заставило меня вспомнить о классе бедняков в Египте и задуматься о его участии. Француз-

⁸ Салама Муса родился в зажиточной семье христиан-коптов в городе Эз-Загазиг, см.: EGGER V. *A Fabian in Egypt: Salamah Musa and the Rise of the Professional Classes in Egypt, 1909–1939*. New York: Oxford University Press, 1986. P. 3–4.

ская пресса научила меня понимать политику по-европейски. В свете социалистического учения я смог осознать многое. В Египте газеты оставались местечковыми и провинциальными: их занимала в основном борьба за независимость, и [лишь] время от времени они обращались к делам международным. Так что я извлек немало пользы из этой великой теории, особенно с учетом того, что моя жизнь во Франции пришлось на годы, предшествовавшие Первой мировой войне. [...] Благодаря Франции, я стал европейцем в мыслях и устремлениях. Покидая Париж, я относился к этому городу как к столице всего цивилизованного мира. [...]

САЛАМА МУСА

ВОСПИТАНИЕ

САЛАМЫ МУСЫ

Революция 1919 года

В 1882 году англичане – при поддержке египетских тиранов – приговорили нас к политической смерти. Нам пришлось оставаться мертвыми до 1919 года, пока мы не восстали и не начали возвращаться в историю. И мы действительно вернулись – через революцию, кровь и разрушения.

В революции участвовали все классы египетского общества. Крестьяне ненавидели англичан, которые четыре года подряд конфисковывали их урожаи [для военных нужд] и забирали мужчин [для принудительных работ]. Служащие из среднего класса тоже обозлились на англичан, не допускавших египтян к руководящим должностям, которые резервировались ими для себя. Нас словно вернули в дни [хедива] Тауфика, когда страной правили турки и черкесы⁹ – без участия самих египтян.

Бедные классы нации, как и средний класс, испытывали беспокойство. Так что, когда средний класс взял на себя руководство революцией, крестьяне и рабочие пошли за ним. Мы должны помнить, что национальные чувства, с 1882 года пусть и утихшие, никогда не угасали полностью. Новую жизнь в них вдохнул Мустафа Камиль¹⁰. К несчастью, этот вождь покинул нас раньше положенного, умерев молодым в 1907 году. Затем последовал период идейного брожения, когда мы пытались разобраться в том, является ли Египет частью Османского государства или же он должен ограничиваться национальной приверженностью панисламизму. Сейчас смута уже позади, хотя в те времена вся эта неразбериха подавляла египетский патриотизм. В Первую мировую войну мы увидели, что англичане

9 Хедив Тауфик правил в 1879–1892 годах. Политическая и экономическая верхушка Египта той поры состояла из людей турецкого или кавказского происхождения. Последних на Ближнем Востоке обобщенно называли «черкесами»; это люди, массово бежавшие в Османскую империю из-за экспансионистской политики Российской империи на Кавказе.

10 Мустафа Камиль (1874–1908) – журналист и политик, лидер антиколониальной оппозиции, требовавший вывода британских войск из Египта.

распоряжаются нашими судьбами, будто они божества-небожители. Они на весь мир [в 1914 году] провозгласили установление своего «протектората» над Египтом, а затем сместили хедива и передали трон султану Хусейну¹¹. Потом они запретили нам собираться вместе и свободно высказываться, введя такую цензуру для наших газет, что и буквы нельзя было написать без их позволения. И после всего этого они бессовестно заявляют: «Очнитесь, у вас есть право на самоопределение»!

Большинство сынов нации осознали, что 1919 год станет поворотным для нашей истории. В первую очередь я говорю о тех, кто застал революцию Ораби-паши и участвовал в ней¹². В их авангарде был Саад Заглюль; как только было объявлено перемирие, он, а также примкнувшие к нему Али Шаарави-паша и Абд аль-Азиз Фахми-паша, которые тоже лично пережили революцию Ораби, годы национального унижения и «ледниковый период» египетского патриотизма, отправились в резиденцию британского верховного комиссара¹³. Патриоты обратились к чиновнику за разрешением поехать в Лондон, чтобы потребовать независимости Египта.

Но у верховного комиссара было свое видение: он считал, что Британия должна и дальше править Египтом как колонией. Поэтому он отверг адресованную ему просьбу. Тогда Саад [Заглюль] занялся пробуждением самосознания нации. В новых, послевоенных, условиях независимость должна была превратиться в основное требование, без удовлетворения которого мы ни на что не согласимся. В стране поднялась волна возмущения англичанами. Те в ответ арестовали Саада и его товарищей, в марте 1919 года сослав их на Мальту. Негодование между тем нарастало: забастовки студентов и служащих вспыхивали все чаще и чаще. По всему Египту железные дороги были блокированы, а телефонные и телеграфные линии перерезаны. После того, как англичане, наконец, согласились послать египетскую делегацию в составе Саада и его единомышленников на мирную конференцию в Париж, в Каир прибыла британская комиссия под председательством искушенного колонизатора [лорда Альфреда] Милнера. Его задачей было расколоть национальное движение: пользуясь отсутствием его лидеров, отбывших в Европу, он хотел побудить их соперников

11 Хусейн Камиль – дядя смещенного британцами хедива – стал первым султаном Египта; он правил в 1914–1917 годах. В 1920-х титул правителей вновь изменили: они начали именоваться «королями».

12 В 1881 году египетский офицер Ораби-паша возглавил восстание против европейского вмешательства в управление Египтом.

13 Саад Заглюль (1860–1927) – лидер движения за независимость, премьер-министр в 1924 году, сооснователь партии «Вафд», которая оставалась заметной политической силой в 1920–1930-х. Абд аль-Азиз Фахми-паша (1870–1951) – юрист, политик и поэт, один из лидеров движения за независимость. Али Шаарави-паша (1849–1922) – египетский политик, один из лидеров революции 1919 года и сооснователь партии «Вафд».

захватить власть, а потом свергнуть нацию в хаос – вынудив ее тем самым покориться британскому владычеству.

Комиссия Милнера появилась в Египте в декабре 1919 года, когда Саад и его товарищи отсутствовали в стране. Отправка комиссии стала попыткой проникнуть в национальное движение через черный ход путем соглашения с теми, кто не поддерживал Саада. Однако египетский народ бойкотировал ее работу. Даже тогдашний глава правительства Мухаммад Саид-паша¹⁴ подал в отставку, протестуя против направления британской комиссии в Египет в тот момент, когда египетская делегация работала в столице Франции. Тем не менее прибывшему в Каир Милнеру все же удалось склонить к переговорам с англичанами Адли-пашу¹⁵. Пока Саад в Париже настаивал на предоставлении Египту независимости и требовал внести этот вопрос в повестку мирной конференции, явившийся к нему Адли убеждал его в необходимости ехать в Лондон на переговоры, намеченные на май 1920 года. [...]

Вернувшись в Египет, Саад посредством речей и листовок занялся пробуждением нации. Между тем переговоры Адли с англичанами, которые Саад называл «диалогом Георга V с Георгом V», провалились. Волнения нарастали, и английская администрация все чаще полагалась на произвол и насилие: в частности, она арестовала Саада и некоторых его единомышленников и в 1921 году отправила их в ссылку на Сейшельские острова. Вскоре после этого англичане предприняли коварный ход: 28 февраля 1922 года они провозгласили «независимость» Египта, обставив ее четырьмя условиями, которые позволяли Британии: а) контролировать имперские коммуникации в Египте; б) защищать Египет от любой внешней агрессии; 3) обеспечивать безопасность иностранцев и [конфессиональных] меньшинств в Египте; 4) сохранять неизменным тогдашний статус [англо-египетского] Судана.

В апреле 1923 года правительство отобрало трех известных людей, которым было поручено написать египетскую Конституцию. Саад был возвращен из ссылки и в 1924 году возглавил первое конституционное правительство. В годы революции, пока Саад и его соратники действовали, а их соперники уничтожали то, что те пытались построить, народ поднимался, развивая национальное самосознание. Люди усваивали новые принципы, взгляды, убеждения. Учащиеся, служащие и торговцы широко обсуждали их; народ переполняла решимость довести борьбу с англичанами до конца и добиться независимости родины. Повсюду проходили демонстрации студентов и женщин, а крестьяне разрушали железные дороги и телеграфные линии. [...]

14 Мухаммад Саид-паша (1863–1928) – премьер-министр Египта в 1910–1914-м и 1919 годах.

15 Адли Якан-паша (1864–1933) – премьер-министр Египта в 1921–1922 годах, соперник Саада Заглюля.

Выходя в те дни на улицы, египетские женщины бунтовали не только против гнета англичан, но и против тысячелетней тирании хиджаба. На первые митинги они шли, прячась под белыми бурками, но не прошло и нескольких месяцев, как они начали открывать свои лица. [...] Англичане, стоит подчеркнуть, не стеснялись избивать участниц женских манифестаций – подобно тому, как это делалось и на студенческих демонстрациях. [...] В этих протестах копты выступали плечом к плечу с мусульманами, а попытки властей вбить клин между сообществами не увенчались успехом. Молодые мусульмане выступали с речами с кафедр церкви, а коптская молодежь вещала с минбаров в мечетях. Позже я узнал, что во время восстания Ораби-паши в 1882 году тоже наблюдалось подобное единодушие.

Спору нет, среди всего этого беспорядка гибло какое-то количество невинных британских подданных. Так получалось из-за того, что англичанин, кем бы он ни был, оставался символом колониализма. Однако и английские власти вели себя по-зверски: они атаковали деревни, обливали их бензином и сжигали дотла. После того, как в Каире разгромили уличный трамвай и разобрали трамвайные пути, начались массовые аресты интеллигентов. Людей швыряли на землю и избивали плетьюми, а после этого заставляли укладывать рельсы заново. Когда в дельте [Нила] перерезали железную дорогу, на место происшествия были направлены солдаты. В Сазадже их встретила крестьянская толпа, в которой было много женщин и детей. Несмотря на то, что в основном они были непричастны к разрушению магистрали, англичане, открыв огонь из винтовок, убили множество людей. Подобные массовые убийства египтян незамедлительно «забывались» властями, но зато британские чиновники хорошо помнили немногих убитых из числа своих. В стране появились военные трибуналы, которые преследовали египтян, обвиняемых в этих убийствах; эти внесудебные органы выносили смертные приговоры. [...]

Если же говорить о международном позиционировании Египта, то революция 1919 года научила нас правильно смотреть на свое государство: отныне оно воспринималось как независимая нация, а не как хвост, виляющий по воле Британии. К сожалению, в последующие годы англичане смогли урезать нашу независимость и коррумпировать нашу Конституцию; это было сделано руками Зивар-паши, Сидки-паши и им подобных¹⁶.

По мнению египетской публики, гораздо важнее русской революции [1917 года] для Египта была турецкая революция,

¹⁶ Ахмад Зивар-паша (1864–1945) – премьер-министр в 1924–1926 годах. Исмаил Сидки-паша (1875–1950) – премьер-министр в 1930–1933-м и 1946 годах; при нем парламент, где большинство мест имела партия «Вафд», был распущен, а Конституция 1923 года заменена на менее демократическую.

которую устроил Мустафа Кемаль [Ататюрк], упразднив султанат и разорвав связь Турции с Востоком. В 1882 году мы ориентировались на Турцию, считая ее «государством халифата». Однако напрасно мы тешили себя иллюзией, будто она будет защищать нас от врагов и будто вместе мы составляем великий османский султанат. Когда Мустафа Кемаль принялся рушить основы этих заблуждений и развернул свой народ на Запад, он упразднил арабский алфавит, заменив его на латиницу, и отделил религию от государства. Арабы и арабский язык были обособлены от новой Турции. Произошедшее в Турции подтолкнуло египетских традиционалистов к осознанию иных политических возможностей – и те поддержали независимость, признав, что она соответствует политическим устремлениям страны. Следует подчеркнуть огромное отличие этого нового подхода от старого, представленного в 1908 году шейхом Али Юсуфом в [газете] «Аль-Музйид». Он тогда настаивал на том, чтобы Египет делегировал своих представителей в османский парламент в Стамбуле, [только что восстановленный после младотурецкой революции]. Интересно, что такой же позиции придерживался и [египетский журналист] Мустафа Камиль. И шейх, и журналист в ту пору отождествляли независимость Египта [от англичан] с верностью османскому знамени.

Разумеется, среди египетской публики имелось много разногласий по поводу революций Ленина и Ататюрка. Но у всех было ощущение, что оковы старого мира сброшены и что у нас на глазах рождается новый, свободный мир. Лично меня обе революции наполнили оптимизмом не менее великим, чем пессимизм, в который они повергали английских колониалистов. Исходя из этого оптимистического настроения я и несколько единомышленников в 1920 году основали Социалистическую партию¹⁷. Египетское правительство сразу же начало бороться с этой организацией и, в конце концов, прикончило ее. [...]

Моя культурная борьба

Наше общество жаждало дискуссий. Религиозная культура (усилиями Мухаммада Абду¹⁸) и культура общественная (благодаря Касему Амину) стали предметами оживленных публичных обсуждений. Положение наше в те годы напоминало ситуацию в царской России, где мыслители, которым нельзя было критиковать политику, обращались к литературе. Нам, египтянам,

¹⁷ Эта группа просуществовала совсем недолго и политического влияния не имела.

¹⁸ Мухаммад Абду (1849–1905) – богослов, великий муфтий Египта в 1899–1905 годах, один из основоположников исламского модернизма. Призывал к новым интерпретациям ислама, которые позволили бы мусульманскому миру заимствовать достижения науки, техники и общественно-политической мысли.

тоже было запрещено обсуждать политические вопросы, и поэтому мы принялись критиковать наше общество.

На заре моей литературной деятельности в стране имелось несколько изданий, заставлявших думать. Первейшими среди них были журналы «Аль-Муктатаф», «Аль-Хияль» и «Аль-Джамиа». Именно они зародили во мне стремление к обновлению, ограничивавшееся, впрочем, лишь наукой и литературой. Теория эволюции, значение которой я осознал благодаря публикациям в «Аль-Муктатаф», обогатила мое мышление новым методом, одновременно позволив разделить всех мыслителей на друзей и врагов. Бросая вызов догмам и традициям, она воспитала во мне дух борьбы. Я и впредь довольствовался бы лишь этим, если бы не происшествие в [деревне] Диншавай¹⁹: это событие заставило меня обратить внимание на политику. На постижение ее тонкостей я потратил все первое десятилетие нынешнего века. [...]

Мой путь египетского журналиста был тесно связан с культурой. В 1914 году я выпускал журнал «Аль-Мустакбаль» [«Будущее»], ведя его дорогой сугубо интеллектуальных битв и обходя стороной политические проблемы. Всего вышли шестнадцать номеров. Среди его редакторов был Шибли Шумайил²⁰. Затем я работал в «Аль-Хияль» [«Полумесец»], а потом – в «Аль-Баляг» [«Воззвание»]. В последней из этих газет я столкнулся с политикой, хотя предметом моего первейшего интереса оставалась страница, посвященная культуре. Три мои книги – «Теория эволюции и происхождение человека», «Египет – колыбель цивилизации» и «Обновление в современной английской литературе» – сначала выходили отдельными главами в «Аль-Баляг». [Издатель «Аль-Баляг»] Абд аль-КаDIR Хамза не только с радостью публиковал мои труды, но и побуждал меня к ним.

«Аль-Хияль» я редактировал с 1923-го по 1929 год. Одним из условий моей работы там было то, что мне вменялась обязанность выпускать по одной новой книге ежегодно. [...] Некоторые из них – например, «Известнейшие истории любви всех времен» – были чисто развлекательными: я писал их как ремесленник. Но другие книги заставляли меня познавать и исследовать. Работая над своими трудами «Свобода мысли и ее герои», а также «Внутренний разум», я писал и учился одновременно. Тексты, созданные за годы моей работы в «Аль-Хияль» и «Аль-Баляг», стали для меня своеобразной школой. [...]

Между 1923-м и 1930 годами в Каире шли споры по поводу обновления в литературе. Каждый писатель понимал этот вопрос

¹⁹ Имеется в виду расстрел британскими солдатами египетских крестьян в деревне Диншавай в 1906 году.

²⁰ Шибли Шумайил (1850–1917) – врач, журналист и просветитель, популяризатор теории эволюции, один из первых социалистов в арабском мире.

по-своему, и каждый следовал тому, что соответствовало его характеру, взглядам, культуре. Насколько я помню спустя годы, в тех горячих дебатах можно было выделить несколько обновленческих тенденций. Мы стремились, во-первых, обзавестись современной египетской литературой, которая не опиралась бы на старую арабскую литературу; во-вторых, сделать стиль изложения современным и близким к языку народа и не ориентироваться более на аль-Джахиза²¹ и ему подобных; в-третьих, перенять европейские стандарты литературной критики; в-четвертых, связать литературное творчество с общественной жизнью, погружаясь в ее проблемы и разрешая их; в-пятых, создать самобытные египетский рассказ и египетскую драму; наконец, в-шестых, поставить литературу на службу человеку и обществу. [...]

В моей журналистской карьере я боролся за демократию, которой тираны пытались нас лишить. Мой первый опыт работы в прессе был связан с газетой «Аль-Ливá» [«Знамя»], куда я устроился в 1909 году. Там я провел около четырех месяцев, работая бок о бок с Фарахом Антуном. Нами руководил образованный и просвещенный человек по имени Усман Сабри – свояк Мустафы Камиля. Он занял этот пост после кончины шейха Абд аль-Азиза Джавиша, раздражавшего коптов своими неприличными высказываниями. [...] На протяжении всей нашей совместной работы в «Аль-Ливá» Антун думал, что я мусульманин: во-первых, из-за моего имени, а во-вторых, потому, что в моих текстах ничто не указывало на конфессиональную принадлежность. А вот Сабри знал, что я копт: он много раз в моем присутствии осуждал статьи шейха Джавиша и не публиковал ничего, что могло бы посеять рознь между мусульманами и христианами. Работа в «Аль-Ливá» научила меня журналистской гибкости, поскольку я готовил и новости, и статьи, посвященные как внутренней, так и внешней политике. Репортеров в те дни не особо ценили, поскольку газеты предпочитали публиковать большие статьи, а не новостные заметки. Это объяснялось тем, что почти вся их деятельность была посвящена борьбе за независимость. Почти все газетные авторы одновременно трудились и редакторами.

В первое десятилетие XX века «Аль-Ливá», ориентировавшаяся на Национальную партию, выступала эталоном египетской журналистики, поскольку была успешным изданием. Ее стиль оставался наступательно-ораторским, поскольку Мустафа Камиль полагал, что пресса должна служить патриотизму, воздействовать на массы, пробуждать национальное самосознание. Международным новостям почти не уделялось внима-

21 Аль-Джахиз (ок. 775–868) – ученый и писатель, один из основоположников арабской литературной критики.

ния: они умещались в половину или четверть столбца коротких сообщений. В остальном же газета занималась критикой английских оккупантов и общественной мобилизацией. Писать ясно и ярко – вот что требовалось от авторов в первую очередь. Так наша пресса работала примерно до 1930 года, когда газеты «статейные» начали уступать газетам «новостным». Причем даже сегодня, в 1947-м, можно видеть, что пресса, которая осталась от старых времен, уделяя повышенное внимание стилю и языку, почти не интересуется международными, научными или общественными проблемами. Впрочем, некоторым читателям это нравится.

Издания того времени были неотделимы от личностей тех, кто в них работал; ведь к газете обращались не из-за новостей или иллюстраций, а потому, что такой-то опубликовал там свою статью. Соответственно, и вражда [между авторами или издателями] тоже была личной. [...] Около 1900 года в стране появились первые юмористические издания. Их материалы по большей части состояли из насмешек над великим имамом Мухаммадом Абду. Ходили слухи, будто сам хедив Аббас-паша поощрял нападки на этого религиозного деятеля, поскольку ненавидел тот дух современности, который последовательно утверждался имамом в [главной мечети Каира и престижной исламской семинарии] аль-Азхар.

Покинув «Аль-Ливá» и снова отправившись в Европу, я продолжал грезить журналистикой. По возвращении в Египет я в 1914 году смог осуществить мечту, взявшись за издание еженедельного журнала «Аль-Мустакбаль». Однако не успели мы дойти до шестнадцатого номера, как разразилась Первая мировая война и цены на бумагу выросли примерно в десять раз. Выбора не было: журнал пришлось закрыть. [...] Статьи в нем вполне отражают мое тогдашнее умонастроение. Были, например, материалы о Фридрихе Ницше, а одна статья, полностью состоящая из атеистического распутства, была выразительно озаглавлена единственным словом – «Аллах». На страницах журнала публиковались стихотворения и статьи Шибли Шумайила, в которых тот пропагандировал теорию эволюции и превозносил материализм. Помню также один текст, посвященный «полиандрии» у арабов, то есть браку между женщиной и несколькими мужчинами. «Аль-Мустакбаль» работала не только современность, но и будущее. Редакция продавала порядка шестисот экземпляров в неделю, и это без учета подписки. Полагаю, если бы не война, издание могло бы стать успешным – и продолжало бы нести в массы послание разрушения и созидания, в котором мы тогда нуждались. После «Аль-Мустакбаль» в Египте больше не появлялось столь же свободомыслящих журналов. Когда в конце 1929 года я приступил

к изданию «Аль-Маджалля аль-Джадида» [«Новый журнал»], все было по-другому: на меня повлияли как усвоенные навыки журналистского ремесла, так и изменившаяся ситуация в стране. Я был укрощен: былой огонь потух, энтузиазма поубавилось, а на смену кипению пришла умеренность.

После закрытия [«Аль-Мустакбаль»] я получил письмо от Мэй [Зияде]²². Она просила меня возглавить редакцию «Аль-Махруса» [«Спасаемый»] – ежедневной газеты с небольшим тиражом, которую издавал ее отец. Я согласился и редактировал ее несколько месяцев, пока мне это не опротивело из-за суровой цензуры, которой подвергалась пресса. Единственным, что хоть как-то скрашивало ситуацию, были визиты посещавшей редакцию Мэй и ее доброе отношение к нам. Таким образом, на протяжении почти всей Первой мировой войны я оставался без работы. Большую часть тех лет я провел на нашей семейной ферме, находившейся недалеко от города Эз-Загазиг. [...] Для меня военные годы стали порой личностного роста. Я с упоением читал о литературе и науках, многое для себя усваивая. Время от времени я обращался к чиновникам в Эз-Загазиге, ходатайствуя об освобождении кого-нибудь из задержанных властями крестьян. Правительство тогда посылало полицию на сельские рынки, и та хватала несчастных, подвернувшихся под руку. Их крепко связывали веревками, будто они военнопленные. Затем англичане отправляли этих людей [на фронт] в Палестину, где они гибли сотнями и тысячами. Спасти от этой участи можно было лишь с помощью взятки.

Когда деревенский застой мне наскучил, я какое-то время проработал учителем. Затем вспыхнула революция 1919 года, и я направился в Каир, дабы быть в гуще событий и вновь подступиться к журналистике. У меня это получилось: поработав немного учителем в школе ат-Тауфик, я стал одним из редакторов журналов «Аль-Хилаль» и «Аль-Баляг», о которых говорилось выше. [...] В конце 1929 года я стал выпускать «Аль-Маджалля аль-Джадида», а на следующий год в свет начал выходить «Аль-Мысри» [«Египтянин»]. Первое издание было ежемесячным, а второе – еженедельным. Оба призывали к освобождению в культуре и политике. Но в 1930 году нас смело политическим ураганом, поднятым правительством Исмаила Сидки-паши. Он упразднил Конституцию, заменив ее на новую, далекую от всякой демократии. И мне пришлось закрыть оба журнала. Новый закон о печати установил для издателей сбор в 150 фунтов. Я пытался внести эту сумму наличными, но деньги не приняли. В 1934-м к власти пришло правительство Абд

22 Мэй Зияде (1886–1941) – переводчица, поэтесса, просветительница, хозяйка известного литературного салона.

аль-Фаттах Яхья-паши²³. Тогда мне удалось возродить «Аль-Маджалля аль-Джадида», потому что за меня поручился рабочий типографии. [...] Вот так мы в Египте и живем: одно правительство не берет залог наличными, зато другое принимает поручительство рабочего, у которого за душой ни гроша²⁴.

В начале Второй мировой войны было учреждено Министерство социальных вопросов, и меня пригласили редактировать его журнал. Я согласился, считая это прекрасной возможностью подтолкнуть общество к современности. Я писал в этот журнал на протяжении двух лет; статьи либо подписывались моим именем, либо выходили без подписи. [...] Во время работы в министерстве я также продолжал выпускать «Аль-Маджалля аль-Джадида», занимаясь этим до 1942 года, когда передал журнал нескольким друзьям – такое решение, как представлялось, позволило бы мне сосредоточиться на задачах политического освобождения. Однако чрезмерно левые и демократические устремления моих соратников не понравились колонизаторам, и в том же году журнал закрыли решением военных властей. [...]

Погоня за рекламными объявлениями заметно ограничила свободу египетской прессы и круг ее интересов. Например, газеты куда больше следят за кинематографом, который обеспечивает их рекламными объявлениями, нежели за египетским сельским хозяйством, в котором заняты миллионы людей, но которое бесперспективно в плане рекламы.

У современной [египетской] журналистики по сравнению с журналистикой начала XX века есть важное достоинство: она уделяет большое внимание международным новостям. Этот интерес, пробужденный двумя [мировыми] войнами, просвещает читателей, снабжает их международной перспективой и заставляет рассматривать местную политику в контексте большой мировой политики. Это, безусловно, хорошо. Однако погоня за рекламными объявлениями заметно ограничила свободу египетской прессы и круг ее интересов. Например, газеты куда больше следят за кинематографом, который обеспе-

23 Абд аль-Фаттах Яхья-паша (1876–1951) – политик, неоднократно занимавший министерские посты; в 1933–1934 годах возглавлял правительство, сменив на посту премьер-министра Исмаила Сидки.

24 В середине 1930-х в упомянутом журнале появлялись статьи, где Муса хвалил некоторые аспекты социально-экономической политики гитлеровского режима, однако к концу 1938 года он разочаровался в нацистах. Подробнее см.: GERSHONI I., JANKOWSKI J. *Confronting Fascism in Egypt: Dictatorship versus Democracy in the 1930s*. Stanford: Stanford University Press, 2010. P. 128–132.

чивает их рекламными объявлениями, нежели за египетским сельским хозяйством, в котором заняты миллионы людей, но которое бесперспективно в плане рекламы. [...]

САЛАМА МУСА

ВОСПИТАНИЕ

САЛАМЫ МУСЫ

Как-то ночью – было это 12 июля 1946 года – я лежал на бетонном полу в одной из темных камер тюрьмы Аль-Азбакия. Рядом со мной находились еще около четырех десятков человек, обвиняемых в воровстве, насилии, убийствах, наркоторговле и других подобных делах. Мне же инкриминировали пропаганду республиканских и коммунистических взглядов. Бетон был таким жестким, что мне не спалось. И тогда память решила показать мне фильм о моей прошлой жизни. Я вспомнил свободу, которой наслаждался в 1914 году, когда писал статьи для «Аль-Мустакбаль». Если бы некоторые из них были опубликованы в наши дни, я оказался бы за решеткой еще раньше. Вспоминая свое усердие в чтении и писательстве, я насчитал около двадцати книг, которые сочинил для моих соотечественников; ведь я искренне не жалел усилий, чтобы просвещать молодежь на основе стандартов XX века и побуждать ее выйти из тьмы минувших столетий. Потом, ворочаясь на бетонном полу, я подумал, что не скопил денег и не получил признания, на которое может рассчитывать тот, кто преданно служил своему делу. При мне была половина питы – вечерний паек, который установило египетское правительство, воздавая мне за годы добросовестной службы стране. Я жевал и думал, думал и жевал; мой разум до самого утра терзался болью и страданиями. Утром в камеру вошел мужчина с корзиной хлеба, который вручил мне еще половину питы – на завтрак. Я припрятал ее вместе с окуском, который грыз накануне. Вот так обходился с нами альянс [британского] империализма и [египетской] тирании.

НЕКОТОРЫЕ ПИСАТЕЛИ, КОТОРЫХ Я ЗНАЛ

Я познакомился с Джирджи Зейданом²⁵ – основателем [журнала] «Аль-Хияль» – за два или три года до его смерти, около 1909 года, когда был в Англии. Дописав статью «Введение к сверхчеловеку», я отправил ее в редакцию «Аль-Хияль» для публикации. Текст передали Зейдану, и вскоре он прислал мне редактуру, сопроводив ее пространным письмом, в котором разъяснил свои замечания к статье. Он предложил убрать некоторые фрагменты – все то, что, как ему казалось, шло против

25 Джирджи Зейдан (1861–1914) – деятель арабского просвещения, писатель, журналист, издатель, историк и лингвист. Родился в Бейруте, в небогатой греко-православной арабской семье, с 1883 года жил в Каире. Журнал «Аль-Хияль» был основан им в 1892 году. Исторические романы Зейдана способствовали популяризации арабской истории и формированию арабского национализма. Подробнее о нем см.: PHILIPP T. *Jurji Zaidan and the Foundations of Arab Nationalism*. Syracuse: Syracuse University Press, 2014.

всеобщих убеждений. Из того письма я запомнил следующее место: «Нет ничего страшного в том, что ты критикуешь христианство, ведь христиане уже привыкли к критике своей религии. Что же до мусульман, то нам следует остерегаться их, поскольку для них подобное в диковинку». В итоге статья вышла изувеченной: из текста слишком многое вычеркнули.

Вернувшись в Египет, я посетил Зейдана, и мы общались до самой его кончины. Я был одним из тех, кто провожал его в последний путь. Этот деятель был самородком, человеком широкой культуры и первым нашим современником, посвятившим жизнь изучению исламской истории. Он много писал о ней. Его книги по истории исламской цивилизации считаются первыми в этой области; подобные исследования широко распространились лишь позже, в 1920–1930-х. [...] При этом у Джирджи Зейдана не было исторического образования. Как-то раз я изложил ему свою гипотезу, согласно которой хиджаб прижился у арабов по биологическим причинам: из-за того, что девушки в жарких странах достигают половой зрелости к одиннадцати–двенадцати годам, то есть до завершения своего интеллектуального созревания. Из моей концепции следовало, что девичий интеллект не мог контролировать и сдерживать половой инстинкт и потому-то хиджаб был принят арабскими обществами. Зейдан поразился этому объяснению, сказав, что «подход впечатляет», но факты тем не менее опровергают мои слова. Источником этих фактов для него служила история. Теперь-то я понимаю, что ошибался в своем биологическом объяснении, поскольку никакой разницы между возрастом полового созревания в жарких и холодных регионах не существует – внедрение хиджаба объяснялось чисто социальными причинами. [...] Произведения Джирджи Зейдана по-прежнему живы. Они скорее лаконичны, нежели многословны; он поднимал темы, которых до него не касались. [...] Когда [в 1908 году] был основан Египетский [ныне Каирский] университет, ему поручили читать лекции по исламской истории. Однако администрация университета отменила это назначение из-за жалоб на то, что он христианин. Происшествие очень огорчило Зейдана, и даже вспоминать о нем ему было грустно и больно.

Фарах Антун издавал «Аль-Джамиа» и время от времени критиковал «Аль-Хиляль». Первый журнал был западным, а второй восточным, и поэтому их издателям не удалось познакомиться и подружиться. Моя дружба с Фарахом началась в те дни, когда мы в 1909 году сообщаем и недолго редактировали газету «Аль-Лива́». Вечерами мы часто сидели в кафе на Оперной площади или где-то поблизости. Фарах был вольнодумцем во французском смысле. Он был хорошо знаком с [идеями] Фридриха Ницше и Жан-Жака Руссо. Позже он присоединился

к египетскому движению за независимость. Родиной Антуна был сирийский город Алеппо²⁶, и поэтому ему было непросто совладать с египетским диалектом. Это был общительный и позитивный человек, который пил не только вино, но и абсент – напиток, запрещенный [в Египте] из-за вреда для здоровья.

В те же годы я познакомился с Якубом Сарруфом – редактором «Аль-Муктатаф». Ему тогда было уже за шестьдесят. Помню, как во время нашей первой встречи он принялся расспрашивать о моем происхождении; его интересовало, чисто-кровный я египтянин или же с иностранными корнями. В те дни «Аль-Муктатаф» входил в число видных журналов, которые пропагандировали науку и просвещение. Прочитав мою статью «Введение к сверхчеловеку» и поговорив со мной о науках, он решил, что я иностранец: мол, все мои размышления доказывают это! Им всецело владели научные устремления – он совсем не ценил ни литературу, ни философию. Как-то раз мы завели разговор о Герберте Спенсере и Артуре Шопенгауэре. Я настаивал на величайшей ценности немецкого философа, который разработал всеобъемлющую теорию бытия; Сарруф же полагал, что величайшим мировым гением является Спенсер, в то время как Шопенгауэр – лишь поверхностный «литературный наблюдатель» и «философский авантюрист». [...]

Среди выдающихся личностей, которых я знал до Первой мировой войны, была и великая писательница Мэй [Зияде]. Мы оставались друзьями до самой ее кончины [в 1941 году], после ее возвращения из психиатрической лечебницы в Ливане. Мэй не была красавицей, но неизменно вызывала симпатию. Она хорошо знала английскую и французскую литературу, следила за современными веяниями в Европе, Америке и на Востоке. [...] Ее цивилизованность и культурность придавали ее манерам необыкновенное изящество. Именно благодаря Мэй ремесло литератора превратилось для девушек Египта и Сирии из чисто мужского дела в занятие, достойное женщины. При жизни родителей она организовывала дома «салонные» встречи, где среди гостей бывали политики, писатели, местные нотабли. Она участвовала во всех обсуждениях, а порой и сама вела их. Мэй была чрезвычайно умна: не существовало такой темы, по которой она не могла бы высказаться – и это всегда делалось изящно, красиво, культурно. И если уход отца Мэй почти не сказался на жизни салона, то кончина матери сильно потрясла его хозяйку. [...] Общество матери было для нее утешением, особенно если учесть, что Мэй так и не вышла замуж. Для девушки непросто однажды обнаружить себя одинокой

26 Излагая иную версию, Дональд Рид пишет, что Фарах Антун был родом из ливанского города Триполи, где его отец торговал древесиной. См.: REID D.M. *Op. cit.* P. 3–13.

в собственном доме, особенно в среде, которая при всей своей цивилизованности оставалась восточной. [...]

В ряду великих людей, встреченных мною в жизни, не могу не упомянуть Шибли Шумайила. Это был невысокий и коренастый человек, внешне немного походивший на борца. Я познакомился с ним в 1912 году. Мы общались, хорошо относились друг к другу, вплоть до его смерти в конце Первой мировой войны. Ему было уже под семьдесят, однако он отличался редкостными здоровьем и живостью. Все его произведения были пронизаны воинственностью по отношению к любой метафизике: он призывал к свободомыслию в смелых, а порой и дерзких выражениях и горячо пропагандировал теорию эволюции. Именно он перевел на арабский знаменитую книгу [немецкого физиолога и материалиста] Людвиг Бюхнера. Над потусторонним он насмехался в таких выражениях, каких не посмел бы использовать никто иной. Когда я в 1914 году стал выпускать журнал «Аль-Мустакбаль», он, поддерживая меня, писал для моего издания – либо под своим именем, либо под псевдонимом. На страницах этого журнала он опубликовал «философскую поэму», смысла которой я не понимал тогда и не понимаю сейчас.

Шумайил принадлежал скорее к числу мыслителей, а не ученых. Он убеждал читателя своим разумом, а не познаниями. Читая его труды, мы поражаемся плавному ходу его мысли. Многие хвалили степенность его стиля; реагируя на это, он говорил, что уравновешенный стиль – плод уравновешенного мышления. И это правда. Как-то раз, будучи у него в гостях, я к удивлению своему нашел Тору с оставленными им пометками. Когда я шутя сказал, что борьба с метафизикой едва ли может сочетаться с подобным интересом к Торе, он ответил, что ценит прежде всего красноречие этой книги, а его интерес к ней сугубо лингвистический и археологический. И по нраву, и по мышлению, и по стилю жизни Шумайил был цивилизованным европейцем. Обычаи и традиции Востока он атаковал со страстью. Веровал он истово и даже фанатично, но объектом его веры было человечество. Это отчетливо проявилось в те дни, когда начиналась Первая мировая война. Он так разволновался, будто им овладел невроз. Складывалось впечатление, что, будь он помоложе, непременно отправился бы добровольцем на фронт, поскольку считал действия Германии покушением на принципы гуманизма.

Перевод с арабского и комментарии Максима Жабко